<u>А.Г. Линжилова.</u> санинструктор 845 полка 303 стрелковой дивизии

от кемерова по вкрлина

Война застала меня за городом. Парни и девчата Кировского района г. Кемерова были тогда на спортивных играх. Вечером возвращались усталые, радостные, щумные и вдруг на станции Предкомбинат слышим голос диктора: "Внимание, внимание! Фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз".

Я работала мастером производственного обучения в ремесленном училище. Для нас война стала ощутима тем, что мы начали работать по IO-I2 часов в сутки. И все-таки война была далеко...

... В марте 1942 года в Кузбассе закончила формирование 303 стрепковая дявизия. Мне и моим подругам довелось защищать Родину в ее составе. Помню, построили всех у горвоенкомата. Мы были в мапках-уманках, бумпатах, бумпатах и ботинках с обмотками. В первые минуты не узнавали друг друга. Енло смешно и вместе с тем грустно.

Меня зачислили санинструктором во взвод полковой конной разведки. В казарме было около двухсот девушек, но несмотря на это мы жили дружно. Особенно запомнились девушки взвода санитаров-носильщиков - Таня Парфенова, Катя Питеркина, Маша Ведерникова, Даша Грушенко, Шура Олентьева, Ляда Петрова, Оля Нагорная, Аня Колофедина, Оля Михайловская, Вера Шатилина, Саша Митрофанова, Аня Шерстобитова, Шура Веревкина. Медицинские сестры Марина Казаковцева, Василенко, Михайленко и многие другие. Заниманись по 14—16 часов в сутки.

19 апреля 1942 года нас погрузили в эшеловы. Ко многим пришли родственники. Прощальные минуты были короткими. Нам пожежали быстрейшего возвращения с победой и мы уехали.

Выгрузились в городе Буе, Яроскавской области. С аврепя по июль снова проходили подготовку. Учились ходить в строю, выносить раненых. В июле 1942 года дивизию погрузили в эшепоны и отправили на фронт. Без остановок доехали до Липецка, от которого более ста километров полки прошли форсированным маршем.

К Воронежу подошли на рассвете. Вместо города — море огня. В районе Отрошек попались раненые бойци, уже отчетивно спышапась канонада. Мы все ближе подходили к переднему крав. Переправились через реку Воронеж. Началось расположение тылов.
Стояли танки, подготовленные к бою. Подъехали катыши и дали
зали. Снопы огня с оглумительным воем полетели вперед...

847 стренковый полк вступил в бой. В первый день, 19 имля 1942 года, нама санрота 845 стренкового полка приняла около пятисот раненых. Куда пропал страх. Военврач третьего ранга М.Н. Миронов, врачи С.Неусыхина, Имурзин, Резанцев работали без отдыха.

Взвод санитаров-носильщиков отправился на передовую. Бои шли в районе г.Воронежа. Нама конная разведка, доехав до фронта, была спемена и переименована во взвод полковой разведки.

В развенке.

Сразу же перед взводом разведки, куда я попала, была поставлена задача — разведать передний край немецкой обороны и добыть "языка". Начались ехедневные вылазки. На задание уходили по месть-восемь человек, а возвращались — половина. Вскоре выбыл из строя командир взвода лейтенант Лаврентьев. Взвод принял старший лейтенант Калугин. Это был смелый, бесстрамный офицер. До войны он работал кинооператором в г.Москве. Бывало, мечтал после войны сделать фильм о сибирских девужках, которые бесстрамны в бор и даже ходят в разведку. Калугин часто показывал фотографир жены и дочурки Леночки. Говорил о том, что дочь вырастет храброй и смелой. Но Калугин так и не увидел свор Леночку взрослой. В одку из августовских ночей он не вернулся из разведки: был убит осколком в голову. Так не стало хорошего командира, замечательного товарища.

Однажды подошла очередь идти на исходную позицию и мне. Отправилось месть человек. Предстояло пройти через Задонское моссе, обосноваться в подбитом танке, что находился в нейтрельной полосе, и следить за противником: вечером разведчики готовились выйти за "языком".

День стоял жаркий. На небе — на облачва. Только редкие выстрены из минометов да очереди вражеских автоматов напоминали о войне. С нами шел молоденький разведчик Федя. Он был небольшого роста, беленький. Повернулся ко мне и говорит: "Сестра, если меня ранят, то обязательно вынесешь, хорошо?..."

Только сказал, как разрывная пуля попала ему в грудь. Это было неожиданно. Шли вместе и вдруг... Мы тихо попожили Федр на землю. Он прошентал: "Я буду жить?".

- Обязательно, вот перевяжу и станет легче.

Перевязываю, а ребята уж сапереме попатки сняпи. Голова Феди недвижимо лежит на моей руке, глаза открытые, голубие, как небо. Мы вырыли могилу у Задонского поссе, завернули Федю в плам-палатку и засыпали землей.

Смерть Феди потрясла меня. Погиб на войне мой младинй брат. Я часто думала о том, что может и его так же похоронилы. Только через 24 года в музее г. Кемерова, на встрече ветеранов 303 стрелковой дывизии, я узнала фамилию разведчика. Это был сибыряк из г.Тайги — Ф.Минаев. И сказал об этом Ф.П.Кудамов, бывший комсорг взвода конной разведки.

ПТ августа 1942 года Кофман, новый командир взвода, сказал, что идем в разведку боем. С наступлением сумерек отправилось 60 человек. Немцы открыли ураганный огонь. Вокруг меня падали бойцы, многие из них в перевязке уже не нуждапись. Небольшая горстка вышла на нейтральную полосу. Запетли и начали окапиваться. Я оказалась с каким-то незнакомым бойцом.

На двоих — одна саперная лопата. За 15-20 минут вырыли укрытие. Стрельба затижна. С наступлением темноты начали откодить на свои позиции. Нежцы вновь открыли отонь. К своим добрались не многие. Меня пегко ранило в ногу. Тогда я поняла, что такое разведка боем, как она сложна и опасна.

Из разведчиков запоменися Хасан Хайрутдинов. Он исполнял обязанности старшины. Как-то в августе 1942 года мы находипись на наблюдательном пункте. Немцы беспрерывно обстреливали наму оборону. Кругом пахло гарью. Казалось, невозможно
поднять голову. Вдруг в окоп прыгает Хасан: "Ребята, обед
принес, воду и письма". "Давай письма", - закричали мы. Он
молча выгаскивает из кармана гимнастерки клочья треугольных
конвертов:

 Понимаете, немцы меня приметили. Открыли стрельбу. Да видно повезло мне....

Оказывается, разрывная пуля угодяла старшине в грудь прямо в письма. Хасан же остался жив и невредим.

И все-таки в этот день произовло несчастье. Через два

часа я пришла с наблюдательного цункта. Поянились с передовой пропитанные потом и кровью раненые мои подруги — Таня Парфенова, Аня Колофедина, Катя Питеркина, Аня Перстобитова. Прежде чем лечь спать, мы решили искупаться и выстирать гимнастерки. Только пришли на речку, как ударили дальнобойные орудия немцев. Аню Колофедину убило осколком. Таню и Катю ранило.

Хоронить Аню собранись все девушки санроты. В могилу какдая из нас бросила горсть земли. Начальник санскужбы полка военврач Миронов подал команду. Прогремели винтовочные залик. Мы все дали клятву после войны обязательно побывать на могиле Ани. Потом мы проводили в госпиталь Таню и Катю. Прощание было теплым, трогательным. Кто знает, увидимся ли еще?

С Таней Парфеновой мы были из одного района. Вместе работали на комсомола. Она была хорошям организатором, взводным запевалой. Даже в ботинках и обмотках, подпоясанная брезентовым ремнем, Таня оставалась по-девичьи нежной. С Катей Питеркиной д работала на одном заводе. Елизко с ней модружила на фронте. Вместе копали землянки. Она была смелой, не терилась даже в критические минуты. Когда ее ранило, она сказала: "Ничего, фриц, я еще вернусь и мы посмотрим кто кого..."

Наступление

В конце сентября 1942 года в санроте был убит старшина Бережной. Меня назначили на его место. Санрота 845 стренкового полка располагалась в красивой дубовой роще, неподалеку от реки Воронеж. Дни становились короче. Мы готовились к длительной обороне. Копали траншел, строили блиндажи.

Помню, вырыли мы большие землянки под перевязочную, для раненых, жилье себе и укрытие пошадям. Все накрявали, как правило, в три наката. Между землянками - ходы, сообщения, щели. Чувствовалось, что под Воронежем задержимся надолго. Немцы также готовились к обороне.

Назначая ночной наряд, пряходялось думать: а кто и как будет нести эту тяжелую службу?

Была у нас в санроте Даша Груненко, очень спокойная, скромная девушка. Она беспрекословно выполняла любое задание, ходила на передовую за ранеными, стояла на посту. Но всюду, где выдавалась свободная минута, Даша делала маленьких кукол из бянтов и косынок. Трудно поверить этому: война, смерть и — куким. Сколько девчат — столько разных характеров. Но нас объединяло общее — задита Родины. Каждая хотела как можно больше спасти и вернуть в строй бойцов.

Омесию в первой поповине январи 1943 года ваши войска перешии в наступление по всему фронту. 845 полк обощел Воронех со стороны ст. Отрошен и освободил станции Косторную, Горшечную, Немцы начали отступать. Если до этого мне приходилось видеть их в бинокль, то эдесь целая немецкая армия попала в плен. Какой у нях был жалкий вид...

Отступающие фашасты оставляли награбленное имущество, обозы с продовольствием и боеприпасами. Наша дивизия преследовала немщев до Харькова. В районе Песочна и Люботина фашасты оказали сопротивление. Они подтянули свежие танковые части и перешли в ионтрнаступление. Кровопролитные бои завизались в районе Люботина.

В первой половине дня 8 марта 1943 года я получила новое обмундирование и дополнительный паек для девушек. Раздать паек не успена. Во второй половине двя немцы потеснили наши части. Началось отступление. Начальник санслужбы приказал запрятать обмундирование в погреба: через два дня предполагалось веренуться. Но отступление приняло затяжной характер. Весенняя распутица не позволяла войскам быстро двигаться. Наша дявизая оказалась в окружении. Отходяли с тяжелым боями В сутолоке мне переехала ногу 76-миллиметровая пушка. Идти стало тяжело, нога сильно опухла.

Вышли на Харьков поздно ночью. На станции взорвали эшелон с боеприпасами, подожгли машины, у которых не было горичего. Рвавшиеся снаряды и пламя представляли удручающую картину. У села Безлидовка командир дивизии Федоровский собрал отходивших с его группой бойцов и объявил: "Товарици, по данным разведки здесь слабое место противника. Мы должны прорваться..."

В плену

С рассветом началась беспорядочная стрельба. Я стала отставать от пехоты: давала знать раненая нога. Слышу сзади гул танков, решила, что это наши. Ну, думаю, возьмут. Подъехала танкетка "Смотрю, а на ней свастика. Немци быстро соскочили с танкетки, сорвали с меня шапку и выкрутили звездочку. Подталкивая прикладами, посадили на броню — там уже было несколько раненых наших бойнов.

Танкетка развернулась и пошла в оборону Харькова. Трудно передать состояние человека, попавшего в плен. Все были убеждены: от фашистов хорошего ждать нечего.

Перед допросом я успела партяйный билет в медаль "За босвые заслуги" спритать. Офицер задал вопрос: кем я была в Советской армии? Я ответила, что санинструктором. Но ему, видимо, ответ не понравился. Он спросил, не разведчица ли я? Таж знай, говорит, что Сталинград скоро будет в наших руках. Немец взмахнул плетью. Я потеряла сознание...

Когда пришла в себя, то не могла понять, где нахожусь: пахнет навозом, темно, во рту пересожно. Открыла глаза. Солдат, сидевший около меня, прошептал: "Там тебе что-то написали на спине, постарайся стереть". Остаток ночи я терлась спиной о навоз, пока не замазала фалистские знаки.

На рассвете к сарам подъехали машины, ирытые брезентом. Нас стали грузить в них. Тех, это не мог подняться, немцы здесь же расстреляли.

Везли очень долго, без остановок. В машине, в которой я ехала, пежани попаты. Некоторые пленные меж собой говориди: "Завезут куда-ныбудь, заставят вырыть ямы и расстреляют". Но затем разговоры утихли. А когда машины проехали час, другой, третий, то пронесся шепот: "Они замышляют что-то другое".

Наконец машины остановились. Мы выдезли из них и построипись. Последовала команда и пленные развернулись по фронту. Перед строем стоял немецкий офицер. На чистом русском языке он стал говорить о порядках в концлагере:

- Во-лервых, бежать не пытайтесь, ибо отсида никто не убегал, во-вторых, за малейшее нарушение - расстрел. Прому сдепать шаг вперед, кто сдался в плен добровольно. Для них у нас условия другие, - закончил немец.

Люди молчани. Офицер повторил вопрос. В стороне стояла группа немециях автоматчиков. Один из немцев дал очередь вверх. "Посидите голодом, найдутся добровольцы", — бросил, уходя, офицер. Сразу раздалась зычная команда и нас стали разводять по

баракам. Ко мне подощел военнопленный грузин.

 - Что, голубушка, попалась, - сказал он.- Здесь есть перевязочная, а я - доктор. Вяжу, у тебя что-то с ногой...

Подошни двое санитаров, швырнули меня на восилки и понесли в баню. Из бани — в перевязочную. Появился доктор. Он осмотрел ногу и сделал перевязку.

 - начего серьезного. Растяжение проходит. Гланное, не надо волноваться. Немцы говорят, что должна прибыть еще одна партия военнопленных, - сказал доктор и, нахмурившись, вышел.
 до перевязочной.

Через несколько дней действительно привезли большую группу военнопленных. Среди них были две женщины. Одна оказалась моей землячкой из Кемерова - Катя Соловьянова. Она были лейтенантом медящинской службы 844 артиплерийского полиц 303 стрелковой дивизии. Через несколько дней в палатку, где мы разместились, привезли еще одну девушку - младшего лейтенанта медицинской службы Лиду Медведеву. Она попала в плен также под Харьковом.

Концлагерь в Кременчуге в три раза был обнесен колючей проволокой. На вышках — часовые с пунеметами. Через каждые пятьдесят метров — автоматчики с собаками. Казалось, что при такой охране не убежать. Но пюди убегами. Фалисты посадили нас за колючую проволоку, пящили человеческих прав, но убить веру в победу не могли. Борьба продолжалась.

Из каких-то источников большинство военнопленных знало о положении на фронтах. Да и немцы выдавали себя. Если они имели успех, то становились весельми, появлялись губные гармошки. Тогда фашисты готовили терпимый обед для пленных. Если же немЗа лагерем были нарыты ямы, куда на рассвете вывозили трупы истерзанных военнопленных. Иногда были слышны стоны: "Я еще живой". Предатели-полицаи отвечали: "Ничего, там сдохнешь". На следующее утро начиналось все сначала.

В ивне-мине 1943 года на Курско-Белгородском направлении наши войска начали наступление. Фалисты, в свою очередь, со станции Кременчуг один за другим отправляли эшелоны с боеприпасами, грузили которые военнопленные. Настроение в лагере заметно изменилось: все считали, что скоро будут освобождены. Но фашисты вдруг приступили к эвакуации лагеря.

В один из июньских дней меня остановил доктор.

- Лагерь скоро звакумруют. Четверо женцин - пивняя обуза для немцев. Они могут вас расстрелять. Предлагаю пойти в немецкий госпиталь санитаркой, оттуда легче будет бежать.

На следующий день он спросыл с моем решении. Я ответила, что работать на немцев не буду. К вечеру он вновь подошел ко мне.

- Есть выход, - сказал доктор.- Сделаем тебе операцию аппендицята. Разрежем верхние тмани, наложим квы и вывезем в гражданскую больницу, там помогут бежать.

Я согласилась. Меня принесли в комнату, где военнопленные врачи организовали что-то вроде операционной. Неожиданно появился немецкий врач: "Оперируйте без наркоза, в моем присутствии". Мне сделали настовщую операцию. Затем в перевязочную внесли Лиду Медведеву. Ей сделали операцию на плече, куда она была ранена в окружении. После операции нас переправили в гражданскую больницу г. Кременчуга и сдали под надзор местной полиции.

Освобождение

Когда мы оказались в больнице, к нам стали приходить посетители. Возник вопрос: кому довериться? Немцы в каждом военнопленном подозревали подпольщика, поэтому могли послать провокатора.

Пел третий год оккупации Кременчуга. В городе действовала подпольная организация. В железнодорожном депо работала группа слесарей. После их премонта выпловы частенько валились под откос. Группой руководили Григорий Леонтьевич Комяков и Сергей Федорович Хейло.

В городской больнице Кременчуга существоваца подпольная организация. Мы держали связь с Иваном Семеновичем Рудиным. Он попал в плен в первые месяцы войны. Вез ноги, средних лет, грузный, он был кадровым офицером Черноморского флота. Рудин твердо верил в победу. Он вел большую работу: рассказывал мадицинскому персоналу о положении на фронтах, о неизбежной победе нашей армии. Городская больница являлась своего рода штабом по борьбе с фашистамы. В туберкулезном отделении, которого немцы боялись, сирывались военнопленные и разведчики из подполья.

Был конец илия 1943 года. Мне и Лиде Медведевой готовили побег. Но гестапо узнало об этом. Утром второго августа в маленькую палату, где мы лежали, вошли пятеро фашистов. Выход был один: бежать! Попросила разрешения выйти в туалет. Меня сопровождали два гестаповца. На счастье окно в туалете оказалось открытым. Вылежла из него и побежала. Пусть, думав, лучше застредят, чем мучиться в застенках гестапо.

Лиде бежать не удалось. В дальнейшем я попучила от нее две маленьких записки: "Тася, ты правильно поступила, а я растерялась. Останелься жива, напили маме и отцу по адресу: Приморский край, станция Угольная, Медведеву!

Вторая записка: "Милая Тася, я бесконечно рада, что тебе удалось бежать. Немцы приняли нас за крупных разведчиц. Очень тяжело переносить пыткя, силы оставляют меня. Кроме Рудина ни с кем связь не устанавливай. В больнице идут повальные аресты, говорят, что кто-то предал. Прощай: Лида".

Меня укрыли Павел Данилович и Екатерина Власовна Пелести, проживающие по улище Чалаева, дом II. В этом доме жила Валентина Павловна Радченко - дочь Павла Даниловича с двумя сыновьями - Приком и Вадимом. Обоим было по IO-IZ лет. Эта семья оказывала всяческую помощь бежавшим из лагеря военновленным.

Однажды, когда я сидела в погребе и перечитывала записии от Лиды, во двор вошел человек.

- Сегодня и завтра будут облавы. Военнопленную непременно обнаружат... - услышала я мужской голос. - Оставлять ее здесь опасно. Вам, наверное, известно: за укрывательство - расстрел.

Напрасво Павел Данилович и Екатерина Власовна пытались убедить мужчину, что они никого не укрывают. Неязвестный оказался настойчивым. Он быстро пошел и погребу. Я выпезла, и при свете солнца почувствовала себя плохо: десять дней, проведенных в яме, не прошли бесследно. Кроме того, мне пришлось посидеть в темной кладовой продовольственного магазина, где Валентина Павловна Радченко работала продавцом.

Молодой человек оказался связным. От Павла Даниловича мы отправились на окраину Кременчуга, где собрались подпольщики. По одному, не теряя друг друга из вида, уходили мы за город. Каждый нес какое-нибудь оружие. Мне досталась винтовка. К вечеру второго дня группа добралась до излучины реки Псел, где она впадает в Днепр, в камышах которого скрывались участники Кременчугского подполья.

Для меня начались знакомые будни. Партизаны ходили в разведку, ваносили на карту расположение огневых точек и жавой силы противника. Когда части Советской армии переправились через Днепр в районе Кременчуга, то командование получило самые точные сведения о фашистах. 29 сентября 1943 года наши части освободили Кременчуг и перешли в наступление за Днепром. Многие ребята пошли в армию. Я вновь стала санинструктором, но только уже в отдельном огнеметном противотанковом батальоне.

Конец войны встретила в столице Чехословакии Праге. I2 мал 1945 года наша часть прибыла в Берлин. На разрушенных стенах рейхстага каждый стремился что-либо написать. Я тоже написала: "От Кемерова до Берлина". Радость бойцов была неописуема. На меня произвели впечатление многочисленные знамена нашей Родины и союзников, которые развевались на зданиях, припегалщих к рейхстагу. А у стен рейхстага — горы поверженных знамен фашистской Германии.

W # #

Отгремела война. Вчерашние воины вернулись к мирной жизни. Многих из нас судьба разбросала в разние стороны. Очень многие погибли. Но те, кто останись живы, постоянно встречаются, вспоминают тяжелые годы борьбы с фашизмом. Дружба, которая родилась в то время, не ослабевает. С годами она, наоборот, усиливается. После войны нас было мало — Питеркина, Ведерникова, Парфенова, Шатилина, Михайловская, Корнеева, Тринихина, Чецурко, Веревкина. Мы ежегодно встречались в день Победы и каждый раз находили кого-нибудь из фронтовичек. Нашли Рам Иванову, Веру Иванову, Нагорную, Тищенко, Павлову, Кравченко, Михайленко. У каждой из нас есть семьи, но это не мещает нам постоянно общаться. Дружат и наши дети.